

Великолепная, продуманная до мелочей история, пронизанная валлийским фольклором и мифологией.

KIRKUS

Интригующая и напряженная романтическая линия, захватывающий сюжет и мрачная атмосфера.

PUBLISHERS WEEKLY

Отличная книга для любителей фэнтези всех возрастов.

SCHOOL LIBRARY JOURNAL

Содержание

Часть I
Заклинательница
17

Часть II
Воровка
151

Часть III
Железонос
293

*Бритни, которая читала мои первые рассказы,
забиралась вместе со мной в старую медную шахту
и не выкинула меня из окна третьего этажа,
когда был такой шанс.*

Четверо детей у фермера были обычными, и, когда пятая дочь родилась с магическим даром, отец очень удивился.

Цвет волос у девочки был слишком темный для золотистого и слишком светлый для каштанового. Кроха смирино лежала на материнских руках и смотрела на этот мир ясными глазами. В первую же ночь фермер вышел с новорожденной на улицу погадать на судьбу. Дело это было ненадежным: знаки редко удавалось прочесть. Одни клали под таз улиток, а потом искали в блестящих дорожках слизи имя любимого дитятка. Другие рвали траву под священным деревом, третьяи вешали на окно пучок пряжи и ждали, пока в него кто-нибудь попадется.

Вернее всего было бы пойти к ведьме, но на это у фермера не хватало денег.

Поговаривали, будто в городах магию извели. Тилвимтег бежали, потому что на каждом углу там теперь*

* Один из видов фейри в валлийской мифологии. (Здесь и далее — прим. пер.)

железо, дороги замостили, да и просто людей развелось слишком много. Зато в глухи, среди полей, холмов и древних лесов, удивительные создания не перевелись. Родители с детьми отправлялись к ночи в чащу — посмотреть, что их ждет. Ходил слух, будто в соседней деревушке к одному новорожденному прилетела стая воронов и тот парень вырос лихим рубакой. Он сеял смерть на поле браны, и уже несколько князей зазывали его на службу... только вот кто-то подсыпал ему яда в эль.

Отец ждал, но птицы к дочери не летели, и не вспыхивал странными огнями закат. Фермер намеревался было вернуться в дом, но тут его окликнул знакомый голос. Пришла деревенская ткачиха и принесла в подарок девочке одеяло. При виде младенца женщина заворковала, однако не успел фермер пригласить ее в дом, как спустился туман и хлынул дождь. Привычное дело для здешних мест.

Отец хотел прикрыть ребенка рукой и вдруг заметил, что нужды в этом нет: струи дождя не касались ни девочки, ни его. Они словно бились о невидимую крышу, оставляя сухими их обоих. Ткачиха, стоявшая рядом, вся намокла, а взглянув на ребенка, ахнула.

— Забери ее в дом, — шепотом велела она фермеру. — Спрячь и никому ничего не говори.

— Что так? — удивился фермер.

— Если о том, какая она, прознает князь, — жестко сказала ткачиха, — он заберет ее себе.

— Для чего?

Ткачиха покачала головой:

— Не пускай ее купаться. Держи подальше от рек и ручьев.

Напуганный суровым предостережением, фермер уступил. О той встрече он никому не поведал, а с дочерью стал обращаться, как будто ничего и не случилось.

Какое-то время все шло гладко.

Младшая дочь, на первый взгляд, ничем не отличалась от остальных детей: играла со своими сестрами и братьями, помогала загонять кур в курятник, кидала в подбиравшихся лис комьями грязи и болтала со всеми, кто приходил купить зерна. Держать взаперти здорового ребенка фермер себе позволить не мог: лишняя пара рук всегда нужна была.

Но время шло, и постепенно то, что так встревожило ткачиху, открылось.

Девочка оставалась сухой даже в грозу. Ей ничего не стоило отыскать в лесной чаще ручей и его исток. Она забавляла братьев и сестер, заставляя булькать и пузириться лужи с грязью, а то и покрывая озерца льдом, по которому дети радостно катались. Она купалась в ручьях, меняя течение, а когда летний зной затягивался, поднимала из недр земли воду к пересохшим посевам. Отец просил не играть с магией, мол, это опасно, но дочь не слушала и наслаждалась своим даром.

Росла девочка своевольной: с нежностью вынимала яйца из-под теплых несушек, зато тут же вспыхивала, увидев зло. Однажды, когда при ней мальчишки постарше принялись

измываться над бродячей собакой, схватила палку и попробовала разогнать их. Но хулиганы со смехом толкнули ее, да так, что она упала. Девочка хорошенко запомнила обидчиков, и целый месяц каждый из них, выходя из дома, увязал в раскисшей земле.

А когда ей было восемь, она спасла жизнь маленькому ребенку.

Почти месяц лили сильные дожди, и река вспенилась, поднялась. Мальчуган отился от матери и, поскользнувшись, свалился в поток. Жадные воды подхватили и потащили его — так стремительно, что родители ничего не успели сделать.

Дочь фермера услышала их крики и босиком побежала к реке. Еще с берега почувствовала она мощь бурлящей воды. Не слушая отговоров, вошла в реку — пена у ее ног улеглась, течение вдруг затихло, замерло, — взяла малыша на руки и кое-как вынесла на сушу. Едва она ступила на берег, как река снова яростно заклокотала.

Родители мальчика без конца благодарили спасительницу, а свидетели зашептались, забормотали:

— Магия.

В этой девочке жила магия.

Слухи дошли до ближайшего города и до ушей тамошнего правителя. Князь Кантреф-Гвелода был молод и на трон воссел, когда занемог его батюшка. Он цену такой молве понимал: заклинатели — редкость, но не сказки. Его отец держал заклинателя металла, который запаивал печатные

перстни на пальцах главных приближенных. Стоило же князюпрознать о девочке-заклинательнице воды, и он сразу отправил за ней главного шпиона.

Как-то днем фермер вернулся с поля: еще не отмывшись от присохшей земли, лицо потное — и во дворе заметил странного незнакомца. Одет он был ладно, как никто из деревенских, на указательном пальце левой руки поблескивал перстень-печатка, на поясе висели ножи. Тягаться с таким было все равно что приказывать буре остановиться.

В руки фермеру лег кошелек золота — смягчить боль потери.

Девочка брыкалась и вырывалась, но шпион князя будто и внимания на это не обращал. Усадил ее на лошадь и умчался галопом. Девочка едва успела оглянуться напоследок, как они скрылись в лесу.

Княжеский посланец был осторожен, ему требовалось доставить девочку в замок — за крепостные стены, под охрану закованных в железо стражей. Он гнал коня, но от проторенных дорог держался подальше. Слухи о заклинательнице воды разошлись далеко за пределы Кантреф-Гвелода и достигли других правителей, которые нипочем не дали бы девочке попасть не в те руки. То есть ни в какие, кроме их собственных.

На второй день пути в дуб вонзилась стрела, и шпион, выругавшись, погнал коня резвее. Он мчался сквозь густой лес в надежде уйти от погони. Девочка зарылась лицом в конскую гриву и крепко зажмурилась.

Стрелу, что повалила скакуна, она не увидела, только кубарем полетела на землю и упала на мягкую подушку мха. Зато шпион ударился головой о ствол дерева. Пока он лежал в беспамятстве, преследователь спешился. На нем была одежда цветов соседнего кантрефа, на руках белели шрамы от клинов. Достав из-за пояса охотничий нож, он двинулся к девочке.*

Попятившись, она споткнулась о древесный корень и упала. Сердце гремело у нее в груди молотом, она звала отца, мать, княжеского шпиона, хоть кого-нибудь...

Но никто не пришел.

И она поняла: никто и не придет.

Девочка вцепилась в мох, ощущала знакомую сырость напитанной дождем земли... и у нее мелькнула мысль.

Прежде она при помощи магии заботилась о растениях, забавляла братьев и сестер, выручала семью. Водная магия была добрым ручейком силы.

Однако сейчас, глядя на убийцу, девочка увидела его вены, похожие на реки; капельки слюны, которые он выплевывал с каждым выдохом; его глаза, слезившиеся от лихой погони.

Она вскинула перепачканную во мхе руку и воззвала к своей силе.

Оказалось труднее, чем приказывать родничку или луже. Железо в крови человека противилось магии. Но девочка

* В средневековом Уэльсе — административная единица, имевшая свой суд.

стиснула зубы, призывала все капли воды, какие нашла в нем, — до последней — и направила их в легкие.

С губ мужчины сорвался жуткий хрип. Выронив бесполезный теперь нож, он стал хвататься за грудь и за горло, не в силах дышать.

Возможно, стоило отпустить его.

Но девочка разозлилась. Никто не защитил ее, все оставили. Отец продал шпиону, да и тот не уберег.

Оставалось только самой за себя постоять.

И ей это удалось.

Шпион отыскал ее подле трупа: она была немногим розовее мертвца, но не плакала. И не противилась, когда соглядатай накрыл ее плащом и стал утешать. Она даже не слушала.

В тот день девочка уяснила, что вода может спасти жизнь — или забрать ее. Этот урок она уже никогда не забудет.

Часть I

Заклинательница

Глава 1

Когда посетитель ухватил Мер за руку в третий раз, она прикинула, не утопить ли его.

Прикинула мельком: так садовник думает, не подстричь ли траву, или художник — не нанести ли новый мазок. Дело нехитрое — шевельнуть пальцами, и эль у гада потечет изо рта в легкие. А все потом скажут: позор, Рис своим языком подавился.

Хотя кто-нибудь все равно сообразит, что тут дело не чисто.

Только это и остановило Мер.

К тому же убивать Риса было бы неправильно. Неправильно, и все тут.

Мер высвободилась.

— Рис, — ледяным голосом сказала она, — я же просила подождать. Сейчас принесу тебе эля.

Рис остекленело поглядел на нее из-за стойки. Он сидел, сгорбившись над кружкой. Красный нос, на щеках темнеют

веснушки, а в глазах читаются хитрость и подлость. Мер и прежде знавала мужчин вроде него: недовольные собственной участью, они срывали злобу на тех, за кого заступиться было некому.

— Не прошло и года, — буркнул он.

— Ты еще это не допил, — Мер кивнула на его кружку. Рис проследил за ее взглядом и прищурился.

Под вечер в «Серпе и сапоге» набиралась толпа. В таверну заходило много косарей и странников — пропустить кружечку эля и посплетничать. Мер проворно, пряча глаза, отнесла несколько кружек за столик солдатам, сменившимся с ка-раула.

— Простите, что заставила ждать, — тихо извинилась она.

— Не бери в голову, девица. — Это отзывалась женщина-стражник. Руки у нее были загрубелые, привычные к мечу. — Смотри, тебе самой не помешало бы махнуть кружечку.

Мер вытерла пот со лба и тут же поправила волосы, убе-дившись, что они прикрывают уголок левого глаза.

В воздухе висел густой пар, пахло супом с ягненком. Еду подавали в щербатых плошках, которые натаскали из заброшенных домов. Народ толпами бежал из окрестностей Гвелода, бросая пожитки. «Нам же больше достанется», — сказала как-то Карис. Коренастая, с сильными руками, коротко стриженная. Никто толком не знал, как ей удалось стать хозяйкой таверны, но спрашивать не решались.

Мер появилась в «Серпе и сапоге» три месяца назад и при себе имела пригоршню монет да мозоли на пятках. В таверну

зашла, чтобы снять комнату на ночь, а когда через три дня не съехала, Карис спросила, есть ли ей вообще куда идти. Мер не ответила, и хозяйка сунула ей в руки две полные кружки эля, указав: «Столик в дальнем правом углу».

Так Мер и осталась. Разносила выпивку, подметала полы. Платили немного, зато отвели комнату наверху. В прежние времена в «Серпе и сапоге» располагался хлев, и на месте стоял в крепких деревянных стенах все еще торчали крюки и железные скобы. Внутри пахло мокрым сеном, а в щелях причудливо свистел западный ветер. Впрочем, Мер тут нравилось. За последние годы ей где только не довелось побывать, но таверна больше всего напоминала дом.

И была бы еще больше похожа на дом, если бы не пьячуги.

Когда Рис в четвертый раз потянулся к Мер, она едва справилась с собой, чтобы не вывернуть ему руку.

— Ладно, ладно. — Девушка забрала его кружку. Налила еще и вернулась.

Рис сердито посмотрел на нее слезящимися глазенками:

— Давно пора. Тебе же платят, чтобы ты подавала это пойло.

— Смотри, как бы Карис не услышала, — ответила Мер.

Схватила старую тряпку и принялась натирать стойку, одновременно обводя взглядом зал. В тавerne сидели солдаты, несколько торговцев, в углу двое резались в кости. У всех было и питье, и еда, все казались довольными. Мер могла позволить себе короткую передышку.

Она прошла в кухню. Живот свело от голода, стоило уловить запах жира в жаровне. В небольшой комнате, закатав рукава, работал юноша, от пара его темные волосы завивались. Элгар был тихоней и держался замкнуто, зато умел со стряпать ужин из пригоршни муки да вчерашних овощей.

— Что делаешь? — Мер опустила поднос на стол.

— Овсяные лепешки с пореем. — Элгар взял плошку с липким месивом и стал комочками выкладывать его на горячую каменную жаровню. — Как думаешь, людям понравится?

— За твои лепешки народ передерется, — заверила Мер, и Элгар застенчиво улыбнулся.

— Уже можно выносить? — спросила она.

Элгар кивнул:

— Лучше подавать теплыми. О, я и тебе кое-что оставил, вон там. Парочка лепешек и бараньи кости, из которых я суп варили. Думаю, не откажешься.

— По-твоему, мне нравится кости гладить? — Мер облокотилась о стол.

— Я видел, как ты кормила собаку у фермы Хета, — зардевшись, сказал Элгар.

И то правда: Мер таскала обедки для старой пастушьей собаки из амбара неподалеку. Кормить ее стало некому — хозяев фермы забрала хворь. Мер заметила, как бедная псиная бродит по полям, и в следующий раз, отправившись на прогулку, прихватила с собой куски хрящеватого, непригодного для рагу мяса. Поначалу собака принимала угощение, только если его положить на землю и отойти подальше, но с каждым

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru